

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0006.01.01

Мария Алехина

16 августа, 2011

Таре #1

- Здравствуйте! Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.
- Алёхина Мария Семеновна.
- Какого Вы года рождения?
- 1921.
- Где Вы родились?
- 21 декабря.
- К Вам приходили наши коллеги и Вы рассказывали им про войну и про Ваши страдания во время войны. Мы приехали, чтобы записать всё на видео.
- Это уже не первый раз. Мне уже надоело. Из России приезжали, книгу писали. Даже немцы приезжали, книгу писали.
- Мы попросим Вас рассказать еще раз, пожалуйста.
- Что Вам рассказать? Всем известно война какая была, да ещё немец где-то в сороковом году, когда меня еще на свете не было с людьми издевался: и выселял, и дома палил, и убивал
- А что с Вами случилось?
- Теперь я не знаю, почему этот немец привязался. И русские были, и всё... И что ему надо было, надо гнать его... Спасибо всем государствам за то, что помогали. Я слышала по телевизору, что даже Америка помогала.
- Расскажите, пожалуйста, о том, что с Вами случилось.
- Случилось, то, что моих родителей вывезли.

- Куда вывезли?
- В Россию куда-то, на работу.
- Это советские вывезли?
- В 1939 году. Вывозили много людей. Даже помещиков, у которых дома хорошие были, и их забрали и вывезли. У моих родителей было хорошее хозяйство: две коровы, овцы, кабаны 2-3. Двенадцать гектаров земли было.
- Так Вы остались одна?
- Нет, я могла тоже ехать, но моя мама боялась того, что их собирают на какую-то казнь.
- А Вы помните, когда началась война и пришли немцы?
- Началась в 1941 году. Немцы пришли.
- И что они делали, когда пришли?
- Что делали? Некоторых так и жили, некоторых забирали куда-то. Многие шли в полицию.
- Вы знаете кого-то, кто пошел в полицию?
- Их нет, они не вернулись.
- А Вы помните, как их звали, какие фамилии?
- Не помню фамилии, их много было.
- А что с Вами случилось в 1941?
- Я была у дяди и нашелся мне мужчина. Мы с ним законно расписались. Прожили три с половиной года. Пришел немец и начал презирать нас. Один наш друг деревенский, дружил с моим мужем, пошел в полицию? В Городище. И его звал, а он говорит: «Ты что? Я – русский, у меня вся семья русская. И я пойду немцам помогать воевать?» И не пошел.
- А друга как звали?

- Потом много появилось партизан. Некоторые даже бросали свои учебные заведения и шли в партизаны. У нас у одного три сына было, так они бросили свои учебные заведения и пошли в партизаны. У нас в деревне было пять семей, которые пошли в партизаны. Семьи остались. Потом стали эти семьи забирать.
- Ваш муж тоже пошел в партизаны?
- Он сначала немного подождал. Пришли потом партизаны, наши знакомые, из нашей деревни, тоже забрали его. Сказали, что он здесь не сможет, уничтожат его. Он и пошел в партизаны. А меня этот друг, что пошел в полицию, я одна осталась ... Меня тоже хотел взять в партизаны. А мне жалко было, у меня коровы, дом хороший. На кого я бы оставила это? Ребенок был.
- А сколько лет было ребенку?
- Второй месяц как родился, а потом немцы забрали меня в концлагерь.
- Где этот концлагерь был?
- Здесь. В здании бывшего помещика. Сначала забирали евреев, побыли они там около месяца. Потом их вывезли и расстреляли, там под Городищем. Там даже три памятника евреям стоят.
- Вы видели, как их стреляли?
- Слышала.
- Вы слышали выстрелы?
- Да.
- А когда вывозили их, видели?
- Ямы выкопаны были. Мой муж ходил смотреть что там происходит. Всех евреев расстреляли. Муж говорил, что крови много было, из ямы прямо наверх выступала. Всех перестреляли. В Городище много

евреев было. В Барановичах все, может, те, кто спрятался, а может, те, кто пошли в партизаны – евреи тоже были.

- А Вы вместе с мужем ходили смотреть на ямы?
- Нет, я не ходила. Только он рассказывал, что были ямы и много крови.
- Яма засыпана была?
- Нет, не была засыпана. Там не одно яма была, там много ям было.
- Он узнал кого-то там?
- Двадцать две тысячи было. Из здания всех вызвали и убили. Яма большая была сделана и высокая. Она и сейчас есть. Говорили, что двадцать две тысячи убили.
- Это люди говорили?
- Люди. Это было всё.
- В яме Ваш муж узнал кого-нибудь? Там были Ваши знакомые?
- Конечно узнал. Я то не ходила, не смотрела. Меня как забрали в концлагерь, так я ничего и не видела. Только людей забирали, подходящих. Людей привозили и привозили. Милиции много было. Из деревни. В форме. Нас выводили, допрашивали.
- Милиция местная была?
- Да. Даже их семей теперь не найдешь. Они уехали кто куда. Кто в Польшу. И семьи их не найдешь. Местная милиция была в немецкой одежде. Меня вызывали на допрос, я никогда не думала, что можно так бить человека. Посадили, допрашивали меня, допрашивали, потом другого допрашивали. И как стали бить прямо плетками такими с цепями. Он падает без сознания. Когда меня допрашивали, я говорила, что ничего не знаю, что у меня только муж, а где родители я не знаю. Они сразу по мне ничего не написали. Но после резко сказали: «Ну-ка встань!» Я сидела и даже не подумала, что так

будет. Он меня ударил - и я потеряла сознание. Дальше ничего не помню.

– А кто допрашивал?

– Переводчик по-русски допрашивал, а немец слушал. И после этого всё кричал: «Вставай! Вставай!» За руку схватил. -Вставай! - говорит. Поднялась я и думаю, почему я такая мокрая. Я не поняла, что ведро воды приносили и обливали человека, чтобы в себя приходил. Это все было несколько раз. Тогда я поняла, что били, теряла сознание, а потом водой обливали. Ребенок был, ему было две недели. Мальчик был. Приносили таз большой, ведро воды холодной наливали и посадили меня смотреть. Сказали раздеть ребенка и положить ребенка в таз. Я говорю: «Я? Ребенка в холодную воду класть буду? Никогда в жизни!» Потом они ударили - и я потеряла сознание. Не помню, как ребенка выгнали, только помню, как его мокрого принесли ко мне. Подняли меня, отвели в палату и ребенка мокрого принесли. Вот как было. И так били...это не раз было. Я сидела три месяца и это через два дня на третий день обязательно. Потом ребенок заболел. Не стало у него голоса. Ну и просидела я. Потом нашли какую-то женщину, она начала спрашивать как и что. Я сразу не знала, что говорить. Потом она сказала, что поставлена наблюдать за нами. Она сказала говорить правду, чтобы меня отпустили. Просидела я три месяца. Били и били. С допроса поднимались и били в коридоре плетками такими, цепями. У меня, наверное, из-за этого теперь ноги и болят. Били по коленям, по суставам, по плечам. Только кости гремят. Вспомню всё... не дай Бог... Со мной не одной это случилось, не одну меня допрашивали. Там людей много умерло. Многих чуть живыми в машину сбрасывали и увозили, сбрасывали в эту яму.

– Вы лично видели, как их увозили?

- Да, в машину бросят и повезут. Меня тоже везли, 28 человек собрали. Куда везли мы не знали. Потом привезли, смотрим, а там ямы. Глубокие ямы, метра два. Треугольные. Кто их копал мы не знали. Говорили, что гоняли тех, кто в концлагерях сидит. Посадили меня с малышом возле этой ямы. Смотрю: в левую сторону дорожка. Болото там, люди работали. Посадили нас, и я уже сидела, молчала. Ничего не говорила. Один полицейский бегал, искал меня. Я молчала, не отзывалась. А там женщины две сидели, знали меня. Говорят: «Ты Алёхина? Чего не отзываешься?» Я думала, что меня первой вызвали на расстрел. Потом подбегает другой: «Иди, поговорить хотят». Упиралась я, не шла. Потом сказали, что меня вызывает начальник. Я не пошла, потом люди стали говорить мол иди, послушай, что тебе там скажут. Там был заместитель, мы хорошо его знали. Наш, белорус. Он меня тоже знал хорошо, мы учились вместе. Вороник фамилия. Его поставили немцев замещать. Он спросил, кто меня сюда затащил. Я говорю: «Да приехали, забрали. Что мне делать? Три месяца уже тут бьют. Сижу, и голодно, и холодно. Сказал, чтобы я вставала и шла прямо. Спросил, кто у меня родной есть. Родных у меня не было, всех вывезли. Только дядя. «Вот иди к дяде, и сиди там». Сказал: «Иди, я тебя отпускаю. Ты еще молодая, ничего не знаешь, ничего нам не скажешь».
- А как его звали?
- Саша. Мы с ним учились, он был старше меня. «Иди, иди, ничего не бойся». Он отпустил меня, я со своим малышом пришла. Боялась идти к дяде, но пошла. После приехали немецкие полицейские, сказали, что им приказали меня забрать. Я говорю: «А чего ехать? Меня же отпустили». «Знаем. Нам приказали тебя забрать». Дядька мой сказал, чтобы я за ним бежала. Что делать будут – не знает. Пришла в контору и тот заместитель сказал, чтобы они меня забрали

к себе. Сказал, что я ни в чем не виновата, зачем они меня привезли. Заставили дядю моего расписаться за меня, что я никуда не пойду, буду тут. Дядя мой расписался. Сказали, чтобы мне отдали корову. «У нее ребенок, ей корова нужна». Меня увидели эти полицейские и снова посадили. Со мной в камере был мужчина. Этот мужик увидел, что на окнах решетки. И в другой комнате решетка поднимается, там какой-то камень был. Говорит: «Хочешь, я тебе помогу выбраться?» Я у него спросила, кто он такой. Он ведь такой же посаженный как и я. «Я за тобой пойду. Лезь давай, я помогу. Подниму эту плиту, ты вылезешь, и я тебе ребенка подам». Вылезла я с окна, и думаю «Дура, чего ж я вылезла?» Я выбралась, потом пошла с городища к тому, кто помогает партизанам. Пришла к нему. Он смотрит, смотрит: «Чего ты тут делаешь, ты же в концлагере». Я попросила его спасти меня, они впустили меня. Я рассказала им всё. Они мне перину в подвал затащили, одеяло. Сиди, говорят, отдадим тебя партизанам, когда приедут. Больше тебя некуда девать. Сутки я там была. Ехал отряд партизанов. Отдали они меня им, а мужика этого забрал другой отряд. Ему сказали где я, он приехал и забрал меня. Не было у нас ни дома, ничего. Поэтому мы остались в партизанах. Прожили так три года.

- Можно узнать побольше деталей об этом лагере? Как все внутри выглядело, как люди там жили?
- Здание большое было, там миллионы людей находилось.
- Там только одно здание было или несколько?
- Было одно большое здание, а в нем еще несколько больших.
- Вас держали в этом трехэтажном здании? Сколько людей было в комнате, в которой Вас держали?
- Все, кто смог убежать –убежали.

- Убегали из лагеря?
- Да.
- А как убегали?
- Так же как и я.
- Как именно они убегали? Кто-то помогал им или они сами как-то пытались?
- Знаете, помогали. Человек нашелся – меня выпустил. И вот убегай как хочешь.
- А Вас когда привели в лагерь? Вы помните в каком месяце это было?
- Этот лагерь строили евреи. Потом евреев поубивали и в нем были мы.
- А Ваш сын в каком месяце родился?
- В феврале.
- Ваш сын родился в феврале 1941?
- 12 февраля 1942.
- Сколько Вашему сыну было, когда Вас забрали?
- Два месяца.
- Получается, это был или март или апрель?
- Знаете, я уже многое забыла.
- Когда Вас забрали, в лагере было много людей?
- Очень много.
- А в камере, где Вас держали, много людей было?
- Мы там все вместе были: и я, и дети, и мужчины. Загоняют всех. Есть место. Там бывали и клопы, и блохи всякие. Плохо было в этом лагере.
- А сколько всего людей было в Вашей комнате?

- Какие там комнаты? Там не было комнат, там здание, огорожено клеткой.
- То есть это был барак? Вас держали в каком-то бараке?
- Там здание большое, разделено на каюты.
- А Вас там кормили?
- Не кормили. За три месяца я только три раза поела.
- А как Вы выжили?
- Женщине приносили еду, а она всегда мне оставляла всё что нужно было. И масло было, и булки, и колбасы были, и сыры. Приносила всегда. Спрашивала, где мой муж.
- А как другие выживали, если вас там не кормили?
- Варили животных. За мной мужики бегали, орал «Не выливай, не выливай! Дам нам поесть». Где свинья умрет, где собака, где коза. Варили и ели.
- А людей заставляли там работать?
- Конечно.
- И что они делали?
- Ямы копали. Глубокие. Я сама свою яму видела. Я была довольна.
- А кроме этого были какие-то другие работы?
- Были конечно. Заставляли строить.
- А их вывозили из лагеря - вот этих мужчин? Или они внутри все делали?
- Их под надзором вывозили. Полиция была. А потом обратно привозили.
- Вокруг была сильная охрана лагеря?
- Там невозможно было. Было очень много блох, вшей. У меня очень длинные волосы были, так их вырезали.
- Кто вырезал?

- Рабочие эти. Которые издевались.
- Вы про полицейских?
- Да, полиция эта в немецкой форме.
- Они были немцы?
- Какие немцы? Свои, с деревни.
- А заключенные тоже были все местные?
- Немца не было ни одного. Свою форму надели и всё, и немец.
- Скажите, пожалуйста, что Вы можете рассказать о тревогах, которые были в лагере ночью?
- Ставили в ряд обувь, один за одним. Шли в палаты. А потом тревога, кричат, чтобы мы все вставали. И каждому нужно свою обувь взять, а если ты не возьмешь, то будут бить.
- А Вы видели, чтобы убивали людей?
- Видела. Была у нас девочка, в городе ходила в кино, танцы там были. Кто-то сказал, что она ходит и передает всё. Её забрали потом. Над ней так издевались, что не дай Бог. К коню привяжут, потом коня этого гоняют. И к машине привяжут и тянут. Прямо подымут мертвую. На мне так не делали, меня спас этот заместитель. Он знал, что я ничего не скажу.
- А кроме этой девушки были какие-то другие случаи?
- Были, и ребята были.
- А Вы помните еще кого-то?
- Залезешь в свою палату и смотришь через окно, как издеваются. Меня били, водой лили, но не тягали. Возили в город. Там были какие-то повешенные. Парни или мужчины, я не знаю. Посадили меня в машину и повезли. Правда не знаю куда везли.
- Только Вас одну везли или еще кого-то?

- Только меня. Трое этих полицейских везли. Привезли, остановились на каком-то перекрестке. Подошел полицейский, говорит: «Ну что, нравятся тебе такие? Которые вешаные». Я отвечаю: «Чего это мне должно такое нравиться». Начал кричать, чтобы я вставала. Я начала плакать, просила, чтобы меня вместе с ребенком повесили. Встала я, взяла ребенка. Мне сказали ребенка положить. Цепляет на меня уже эту петлю, потом кто-то меня ударил и всё, не помню ничего. Потом привезли меня опять в этот лагерь. Сказали встать. Лежу и не вижу своего ребенка, спрашиваю: «А где мой маленький?», мне ответили, что рядом лежит, и чтобы я вставала, вот. Потом сказали, что забирала ребенка и что я им не нужна. Отправили меня в эту палату.
- Вы знаете кого-нибудь, кому удалось убежать из лагеря?
- Нет, не знаю. Говорили, что кто-то убежал, а лично не знаю.
- А кого-нибудь поймали?
- Нет, не слышала.
- Расскажите, пожалуйста, про Ваш арест.
- Я была посажена в полицию. А с полиции я сбежала, мужик один помог.
- А кто Вас привел в лагерь?
- На машине привезли.
- Они Вас из дома забрали?
- Дом спалили сразу. Через окна дым валил.
- А Вас с пустыми руками забрали?
- Да. Мы с мужиком закололи кабана, было сало. Мужик смог как-то с партизанами, а меня не взяли, я не хотела.
- А сколько полицейских пришло за Вами?
- Много их было.
- Вы узнали кого-нибудь из них?

- Как я могла узнать? Они же из других деревень, я их не знаю.
- Вы говорили, что у Вашего мужа был друг, который пошел к полицейским. Как его звали?
- Саша Гриб.
- А что с ним потом стало?
- Он отдал свою жену в концлагерь. Она в деревне с партизанами была. Её забрали и замучили там, при мне еще.
- Вы ее там видели?
- Да.
- Как ее звали?
- Лена.
- И она умерла там?
- Наверное, умерла. Ее забрали и в яму увезли.
- Вы видели, как ее забирали?
- Машину видела. Говорили, что ее убили.
- А этот Саша Гриб выжил?
- Да. Он жил с тетей, папой и мамой. Отец раньше умер, потом мать, потом тётя. Умерли все. Его сын только остался.
- После война его не судили?
- Он не вернулся. Не показывался.
- Вы говорили, что в лагере умирало много людей, так?
- Да.
- Вы когда-нибудь видели, как оттуда вывозили трупы?
- Нет. Нас никуда не пускали. Только если в машину гнали.
- Вы никогда не видели, что с этими трупами делали? Вы видели, как в машины трупы бросали?
- Это я видела.
- Много раз Вы видели?

- Раза три видела.
- В машину бросали один труп или несколько мертвых?
- Этого я не знаю. Потому что, бывало, сидишь в палате, и не видно, что там в машине.
- Вы видели, что бросали туда?
- Да.
- А бросали женщин или мужчин?
- Не видно было. Я там никого не знала. Только девочку, которую мучили. Миля ее звали.
- А фамилию помните?
- Они поляки были вроде, но фамилии не помню.
- Спасибо, мы закончим.
- Всего хорошего.